

Глава XXI. СТРАХ БУРЖУАЗИИ. НОВАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Казалось бы, что теперь революция начнет свободно развиваться. Реакционные попытки королевской власти были подавлены: «господин и госпожа Вето», как называли в шутку короля и королеву, находились пленниками в Париже; теперь, наверное, можно было думать, что Национальное собрание начнет решительную борьбу со старыми злоупотреблениями, окончательно сломит феодализм и приложит к жизни великие принципы выработанной им Декларации прав человека и гражданина. От ее обещаний так бились сердца в народе.

Но на деле оказалось, что ничего этого не было. Как ни трудно этому поверить, но после 5 октября начинается реакция. Она организует свои силы и проявляется все яснее и яснее в продолжение трех лет, вплоть до июня 1792 г.

Парижский народ возвратился в свои трущобы; буржуазия распустила его, отослала по домам. И если бы не крестьянские восстания, которые шли своим чередом до того момента, когда в июле 1793 г. взаправду были отменены феодальные права, если бы не движения в провинции, следовавшие одно за другим и мешавшие буржуазии прочно установить свою власть, реакция могла бы восторжествовать еще в 1791 и даже в 1790 г.

«Король в Лувре, Национальное собрание в Тюильри, пути сообщения становятся свободны, рынки ломятся от мешков муки, государственная казна наполняется, мельницы работают, изменники бегут, духовенство низвергнуто, аристократия при последнем издыхании», — так писал Камилл Демулен в первом номере своей газеты (28 ноября). Но в действительности реакция повсеместно поднимала голову. В то время как революционеры торжествовали и считали революцию почти законченной, реакция понимала, что теперь-то и начнется в каждом провинциальном городе, большом или малом, в поселке и деревушке главная, настоящая борьба между прошлым и будущим; теперь-то настает для королевской реакции момент, когда нужно заняться обузданием революции.

Реакция шла даже еще дальше в своем понимании общего положения. Она поняла, что буржуазия, до сих пор искавшая поддержки у народа, в виду достижения конституционных прав и победы над высшей аристократией теперь, раз она почувствовала народную силу, сделает все возможное, чтобы обуздать этот народ, обезоружить его и снова привести в повиновение.

В Национальном собрании страх перед народом проявился тотчас же после 5 октября. Больше 200 депутатов отказались переехать из Версаля в Париж и потребовали паспорта для возвращения по домам. Им было в этом отказано; их стали называть изменниками, но, несмотря на это, некоторые из них все-таки вышли в отставку на том основании, что никогда они не ожидали, чтобы дело зашло так далеко. Как и после 14 июля, началась эмиграция; только теперь пример подавал уже не двор, а депутаты, члены Собрания.

Тем не менее Собрание насчитывало в своей среде значительное большинство таких представителей буржуазии, которые не только не думали удалиться, но и сумели воспользоваться обстоятельствами, чтобы установить господство своего класса на прочном основании. Еще до своего переезда в Париж, т. е. 19 октября, Собрание воспользовалось народным движением и ввело ответственность министров и членов администрации перед народным представительством и постановило, что налоги могут быть вводимы и устанавливаемы только Национальным собранием. Два основных условия конституционного правления были, таким образом, отвоены. Титул «короля Франции» был изменен на «короля французов».

В то время как Собрание пользовалось, таким образом, движением 5 октября для упрочения своих верховных прав, буржуазный муниципальный совет Парижа, т. е. Совет трехсот, взявший в свои руки городское управление после 14 июля, с своей стороны также воспользовался обстоятельствами, чтобы укрепить свою власть: 60 администраторов, избранных из числа трехсот, были поставлены во главе восьми отделов управления: продовольствие города, полиция, общественные работы, больницы, воспитание, городские владения и другие доходы, налоги и национальная гвардия. Заведуя всеми этими отраслями жизни, в столице, Совет трехсот становился громадной силой, тем более что в его распоряжении было 60 тыс. человек национальной гвардии, вербовавшейся исключительно из зажиточных граждан.

Мэр Парижа Байи, а в особенности Лафайет, командующий национальной гвардией, становились теперь большими особами. Что же касается полиции, то буржуазия вмешивалась во все: в собрания жителей, в газеты, в уличную продажу, в объявления — и везде запрещала все, что было враждебно ей. Наконец, воспользовавшись убийством одного булочника (21 октября), Совет трехсот обратился к Национальному собранию, умоляя его издать закон о военном положении, что и было сделано. По этому закону стоило только городскому или деревенскому голове или судье развернуть красное знамя, чтобы тем самым в этом городе или деревне объявлено было военное положение; тогда всякие сборища становились противозаконными и войска, призванные муниципальными чиновниками, имели право после трех предупреждений стрелять в толпу. Если толпа расходилась мирно, без сопротивления, раньше чем сделано было третье предупреждение, то преследовались только зачинщики скопищ и присуждались, если сборище было без оружия, к трем годам тюрьмы, а если оно было вооруженное — к смертной казни. Но если народ оказывал сопротивление, то всем участникам бунта грозила смерть. Смерть грозила также каждому солдату и офицеру национальной гвардии, если он устраивал сборища или подстрекал к ним.

Таким образом, случайного убийства, совершенного на улице, было достаточно, чтобы побудить Собрание издать такой свирепый закон, и во всей парижской печати, по очень верному замечанию Луи Блана, нашелся всего один голос — голос Марата, который протестовал против нового закона, доказывая, что во время революции, когда народ еще только разбивает свои оковы и должен вести тяжелую борьбу с врагами, закон о военном положении не имеет никакого смысла. В Собрании против этого закона высказались только Робеспьер и Бюзо, да и то не в принципе, а потому, говори ни они, что нельзя вводить такой закон, пока не будет создан суд, который мог бы судить преступления, совершаемые против нации.

Пользуясь некоторым затишьем, неизбежно наступившим в народе после событий 5 и 6 октября, буржуазия занялась, таким образом, и в Собрании, и в муниципалитете организацией правительства средних классов; причем не обошлось, конечно, без некоторых столкновений и интриг из-за вопросов личного честолюбия.

Придворная партия, со своей стороны, не видела никакой причины отказываться от своих притязаний; она тоже интриговала и перетягивала на свою сторону политических деятелей, честолюбивых и нуждающихся в больших средствах, вроде Мирабо. Мирабо был тогда же подкуплен двором.

Так как второй брат короля, герцог Орлеанский, оказался скомпрометированным в движении 5—6 октября, которому он тайно способствовал, то двор послал его в изгнание, назначив его посланником в Англию. Но тогда начал вести всякие интриги следующий брат короля, герцог Прованский, который старался заставить Людовика XVI уехать из Парижа. Цель его была та, что в случае бегства короля (которого он называл «чурбаном») он предъявил бы свои права на французский престол. В Мирабо, который приобрел после 23 июня большое влияние в Собрании, но вечно нуждался в деньгах, он думал найти союзника. Мирабо стремился стать министром; но когда Собрание разрушило его планы, постановив, что никто из членов Собрания не может быть министром, Мирабо сошелся с герцогом Прованским в надежде добиться власти через его посредство. В конце концов он, однако, продался королю и принял от него жалованье в 50 тыс. ливров в месяц на четыре месяца с обещанием назначить его впоследствии послом. За эту плату Мирабо обязывался, как сказано в его письме, «помогать королю своими советами, своими силами и своим красноречием во всем том, что герцог Прованский найдет полезным для нужд государства и интересов короля».

Все это, конечно, узналось только позднее, в 1792 г., после взятия Тюильри; а пока Мирабо, вплоть до самой своей смерти (2 апреля 1791 г.), сохранил репутацию защитника народа.

Распутать сеть интриг, которые велись тогда вокруг Лувра и дворцов разных принцев, а также при лондонском, венском, мадридском и других дворах и около разных немецких князей, вероятно, никогда не удастся. Вокруг гибнувшей королевской власти все копошилось, тогда как в Собрании разыгрывалась своя борьба честолюбии из-за достижения власти. Но все это в сущности мелочи, не имеющие особенно большого значения. Они объясняют некоторые отдельные факты революции, но они не могли изменить ход событий, намеченный самой логикой вещей и наличностью борющихся сил.

Собрание являлось представителем интеллигентной буржуазии, задавшейся завоеванием и организацией власти, выпадавшей из рук двора, высшего духовенства и высшего дворянства. Цель его была определенная, и оно имело в своей среде немало людей, шедших прямо к этой цели и обладавших умом и известной смелостью, которая возрастала всякий раз, как народ одерживал новую победу над старым порядком. Был, правда, в Собрании «триумвират», как его называли, состоявший из Дюпора, де Ламета, и Барнава*, а в Париже был мэр Байи и командующий национальной гвардией Лафайет, к которым обращались взоры буржуазии и отчасти народа.

*Triumvirat d'opinion, т. е. триумвират людей, мнения которых преобладали в этот момент революции. В 1793 г. такой же «умственный триумвират» представляли Робеспьер, Дантон и Марат.

Но настоящая сила в эту пору была в сплоченной массе Собрания, вырабатывавшего законы для установления власти третьего сословия.

За эту работу Собрание принялось, как только оно устроилось в Париже и могло более или менее спокойно возобновить свои занятия.

Начата была эта работа, как мы видели, на другой же день после взятия Бастилии. Когда буржуазия увидела, как народ вооружился в Париже в несколько дней пиками, как он жег таможни и брал везде, где мог, съестные припасы и как враждебно относился он к богатым буржуа, не менее враждебно, чем к «красным каблукам», т. е. к аристократам, — буржуазия пришла в ужас. Она поспешила сама вооружиться, организовала свою национальную гвардию и противопоставила людей в « меховых шапках» людям в «шерстяных колпаках» и с пиками, чтобы в случае надобности быть в силах подавить всякое народное восстание. Теперь, после 5 октября, она поспешила провести закон о собраниях, о котором мы только что говорили.

Вместе с тем она, не медля, приняла такие законодательные меры, которые помешали бы политической власти, ускользавшей из рук двора, достаться народу. Так, неделю спустя после 14 июля Сиейес, знаменитый защитник третьего сословия, уже предложил Собранию разделить всех французов на два разряда, из которых один, побогаче, активные граждане, будет принимать участие в управлении, другой же, обнимающий собою всю народную массу и названный Сиейесом пассивными гражданами, будет лишен всяких политических прав. Пять недель спустя Собрание приняло это разделение как основу Конституции. Только что провозглашенная Декларация прав, в первом пункте которой говорилось о равенстве всех граждан в правах, таким образом, была беззастенчиво нарушена.

Принявшись за политическое преобразование Франции, Собрание упразднило затем старое деление на провинции, которые сохраняли для дворянства и для своих парламентов известные феодальные привилегии. Франция была разделена на департаменты, а старые «парламенты», т. е. суды, пользовавшиеся известными привилегиями, были уничтожены. Для всей страны была создана новая, единообразная администрация на основании все того же основного начала, исключавшего бедные классы из управления страной.

Национальное Собрание, открывшееся еще при старом порядке, несмотря на двухстепенные выборы, было избрано почти всеобщим голосованием. В каждом избирательном округе было созвано по несколько избирательных собраний первой степени (*assemblees primaires*), в которые входили почти все граждане данной местности. Они избирали выборщиков, которые составляли в каждом округе собрание выборщиков, и это собрание избирало представителя в Национальное собрание. Нужно заметить еще, что по окончании выборов собрания выборщиков продолжали собираться; они получали от своих депутатов письма о ходе дел в Собрании и следили за тем, как их представители голосовали.

Теперь, достигнув власти, буржуазия приняла две меры. Она, во-первых, расширила область деятельности избирательных собраний первой степени, передавши в их руки избрание в каждом департаменте директорий, судей и некоторых других чиновников*. Таким образом она облекала их значительной властью. Но вместе с тем она исключила из избирательных собраний первой степени народную массу, которая была лишена таким образом всех политических прав. В избирательные собрания допускались теперь только активные граждане, т. е. те, которые платили прямой налог ценностью по крайней мере в три рабочих дня**. Остальные становились гражданами пассивными. Они не имели права участвовать в избирательных собраниях первой степени, а потому не могли избирать ни выборщиков, ни муниципалитеты, ни судей, ни какую бы то ни было другую власть в департаменте. Они не могли также входить в состав гвардии***.

*Употребляя термины из русской жизни, директории департаментов и округов соответствовали бы губернским и уездным земским управам.

**Стоимость рабочего дня в деньгах определялась каждым муниципалитетом; за основание принимался рабочий день поденщика.

***Муниципальный закон 14 декабря 1789 г. не только исключил пассивных граждан из выборов всех муниципальных чиновников (§ 5, 6, 8 и проч.); он вместе с тем запрещал собраниям избирателей собираться «по ремеслам, профессиям или по корпорациям». Они не могли собираться иначе, как по кварталам или по округам. Это было направлено против прежних цеховых организаций.

Мало того, чтобы быть назначенным выборщиком, нужно было платить прямой налог ценой в 10 рабочих дней, что делало собрание выборщиков вполне буржуазным по составу. Впоследствии, когда реакция стала смелее, после избиения парижан на Марсовом поле в июле 1791 г., Собрание ввело еще одно ограничение: для того чтобы быть выборщиком, потребовалось владеть недвижимой собственностью. А для того чтобы быть представителем народа в Собрании, нужно было платить 50 ливров, т. е. стоимость серебряной марки, прямого налога.

Хуже того, собраниям выборщиков запрещено было объявлять свои заседания «непрерывными», т. е. собираться без особого созыва (это называлось *la permanence*). Как только выборы были закончены, эти собрания не должны были больше собираться без особого разрешения. Раз народ назначил своих правителей из буржуазии, он терял право держать их под своим контролем. Вскоре у него отняли и право петиции и выражения своих

пожеланий. «Вотируйте — и молчите!»

В деревнях, как мы видели, почти во всей Франции сохранилось при старом режиме общее собрание всех жителей наподобие русской мирской сходки. Эта сходка распоряжалась всеми делами общины, а также распределяла общинные земли: поля, луга, леса и пустоши — и заведовала ими. Теперь муниципальным законом 22—24 декабря 1789 г. мирские сходы всех домохозяев были запрещены. Только зажиточные крестьяне — активные граждане имели теперь право собираться раз в год для избрания мэра (старосты) и муниципалитета (сельской управы), в который обыкновенно попадали три или четыре деревенских буржуа. Подобное же устройство было введено и в городах: одни только активные граждане должны были собираться для избрания Генерального совета города и муниципалитета, т. е. власти законодательной в городских делах и власти исполнительной, которой было поручено заведование полицией и начальство над национальной гвардией.

С другой стороны, нужно, однако, сказать, что муниципалитетам, городским и деревенским, были даны обширные права самоуправления; они были поставлены очень независимо от Национального собрания. Движение, которое произошло в городах в июле и привело к водворению революционным путем избранной муниципальной власти еще в ту пору, когда находившиеся в полной силе законы старого порядка не допускали ничего подобного, — это движение было признано, таким образом, и утверждено муниципальным законом 22—24 декабря 1789 г.

Муниципальный закон, как мы увидим дальше, имел обширные и глубокие последствия для развития революции. Во Франции создались теперь 36 тыс. центров местного самоуправления, которые по множеству вопросов нисколько не зависели от центрального правительства. И если во главе их становились революционеры, как оно и случалось по мере развития революции, они могли действовать и действовали вполне революционно. Как видно будет впоследствии, эти независимые деревенские и городские управления придали революции в некоторых частях Франции громадную силу.

Конечно, буржуазия приняла всякие предосторожности, чтобы городское управление не выходило из рук зажиточной части среднего класса, и это удалось ей во многих местах. Ради этого муниципалитеты были также подчинены департаментским советам (*directoires*), которые избирались по двухступенной системе и, являясь представителями зажиточной буржуазии, служили во все время революции оплотами для контрреволюционеров.

Кроме того, самые муниципалитеты, избравшиеся только активными гражданами и явившиеся представителями буржуазии, а не народа, сделались во многих городах, как, например, в Лионе и других, центрами реакции. Но, несмотря на все это, в громадном большинстве муниципалитеты все-таки были не то, что королевские чиновники, и нужно признать, что муниципальный закон, проведенный в декабре 1789 г., более всякого другого закона способствовал успеху революции. Правда, мы видели, что во время восстания крестьян против феодальных владельцев в августе 1789 г. муниципалитеты Дофине предприняли поход против крестьян и стали вешать восставших. Но по мере того как революция развивалась, народ начинал держать городских чиновников в своих руках. Затем, начиная с конца 1792 г., муниципалитеты стали избираться всем народом, и тогда

революционеры овладевали сельскими и городскими управлениями и пользовались ими для успеха революционного дела. Вот почему, по мере того как революция расширяла свои задачи, муниципалитеты (а в больших городах — секции, отделы) также становились революционнее, и в 1793 и 1794 гг. они были настоящими центрами деятельности народных революционеров.

Другой важный для революции шаг был сделан Собранием, когда оно отменило старые формы суда и ввело судей, избранных народом. В деревнях каждый кантон*, состоявший из пяти или шести приходов, выбирал сам посредством своих активных граждан своих судей; в больших городах это право было предоставлено собраниям избирателей. Старые парламенты, конечно, вступились за свои прежние права. На юге, в Тулузе, 80 членов парламента вместе с 89 лицами из дворянского сословия стали во главе движения, стремившегося вернуть монарху его законную власть и его «свободу», а религии — «ее полезное влияние». В Париже, в Руане, в Меце, в Бретани парламенты тоже не хотели подчиниться уравнильным мерам Собрания и начали устраивать заговоры в пользу восстановления старого порядка.

*Кантон во Франции соответствовал нашей волости.

Но народ не поддержал их и им пришлось подчиниться закону 30 ноября 1789 г., который распускал парламенты «впредь до нового распоряжения». Их попытки сопротивления вызвали только новый декрет (11 января 1790 г.), в котором объявлялось, что сопротивление закону со стороны судей города Ренн «делает их неспособными исполнять функции активных граждан до тех пор, пока они, подав об этом прошение в законодательное учреждение, не получат разрешения принести присягу на верность конституции, декретированной Национальным собранием и принятой королем».

Собрание, как видно, не допускало явного сопротивления своим постановлениям относительно нового административного устройства Франции. Но это новое устройство встретило сильнейшее глухое сопротивление со стороны высшего духовенства, дворянства и высшей буржуазии. Для того чтобы уничтожить старую организацию и ввести новую, потребовались целые годы постоянной борьбы; причем революция ради этого вынуждена была захватить общественную жизнь гораздо глубже, чем того желала буржуазия.

В этом проявилась вся сила народной революции по сравнению с простым политическим переворотом.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:32:03

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:32:22